

УДК 332.02

*Л.К. Субракова***ПОВЫШЕНИЕ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МАЛЫХ СЁЛ¹**

Целью исследования является обоснование актуальности введения специальных мер поддержки населения малых сел на основе обобщения отечественной и зарубежной практики выплаты социальных пособий в период пандемии коронавируса. Бедственное положение малых сел, с одной стороны, и сравнительно невысокие финансовые затраты на выплаты, ограниченные по территории и социальным категориям, с другой стороны, обусловили предложение по сохранению и развитию малых сел с достижением экономического и социально-демографического благополучия. Для сдерживания процесса депопуляции в сельской местности предлагается разработать стратегию сохранения и развития малых сел, включающей специальную государственную политику доходов для населения малых сел на основе гарантированного сельского минимального дохода. Концептуальной основой данной политики может служить идея универсального базового дохода с вариациями условного, выборочного, как денежного, так и натурального базового дохода. Реализацию предложенного подхода предлагается осуществить в виде эксперимента в малых селах регионов Сибирского федерального округа. По расчетам на выплату 437 тыс. жителям 5,8 тыс. сельских населенных пунктов регионов Сибирского федерального округа потребуется 50 млн руб. в год, или 0,65 % ВРП. В результате предполагается снижение избыточного неравенства доходов, улучшение демографической ситуации и рост занятости. В основу исследований положен метод диалектического познания процессов и явлений. При изучении вопросов состояния и тенденций изменения положения малых сельских поселений использовались монографический, абстрактно-логический и экономико-статистические методы.

Ключевые слова: бедность, малые сельские поселения, гарантированный сельский минимальный доход, риски, ограничения, социально-экономические эффекты.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-992-1000

Реальные располагаемые доходы населения России за 2014–2020 гг. снижались со среднегодовым темпом 7,2 %. Изменение ситуации с доходами и сроки их возможного повышения отнесены прогнозами на конец 2022 – начало 2023 гг. [1]. Кризис экономики, вызванный пандемией коронавируса Covid-19, привел к повышению активности государства в сфере доходов и оказания социальной поддержки населению и финансовой помощи бизнесу, пострадавшему от ограничительных мер 2020 г. Так, единовременных и ежемесячных пособий семьям с детьми и беременным женщинам, с учетом введенных в 2021 г., действует в России более 10. Из федерального бюджета на поддержку семей с детьми в 2021 г. направлено 1,5 млрд руб., что на 37 % больше, чем в предыдущем году. Реальные располагаемые денежные доходы россиян по итогам 2020 г. сократились на 3,5% в годовом выражении против ожидаемого снижения на 3%. Поэтому государственная политика повышения доходов, направленная на адресную поддержку граждан с низкими доходами, совершенно оправдана, во-первых, тем, что 82 % бедных – это семьи с детьми [2], а во-вторых, тем, что дифференциация доходов в стране остается высокой: коэффициент Джини – 0,403 [3], коэффициент фондов – 14,5 [4]. По оценке Минэкономразвития РФ, вклад социальных выплат в общий рост реальных денежных доходов населения составил в 2020 г. 3,6 п. п. [5]. По расчетам Всемирного банка, при прогнозируемом снижении ВВП России на 4 % уровень бедности должен был бы вырасти с 12,3 % в 2019 г. до 14,2 % населения по итогам 2020 г. Компенсационные меры властей, согласно компьютерной модели ВБ, обеспечили его снижение до 11,6 % на конец 2020 г. [6].

Различные оценки социальной поддержки населения России в период коронакризиса 2020 г. сводятся к признанию положительных эффектов социально-экономической политики государства. В этой связи актуальной стала теория и практика универсального (безусловного, гарантированного) базового дохода. «Безусловный базовый доход (ББД) – социальная концепция, предполагающая регулярную выплату определённой суммы денег каждому члену определённого сообщества со стороны государства и/или другого института... Выплаты производятся всем гражданам, вне зависимости от уровня дохода и без необходимости участия в занятости» [7].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00530.

Эксперименты по введению денежных выплат отдельным категориям населения, проводившиеся во многих странах мира, показали, что в результате, во-первых, сокращается бедность (во всех практиках); во-вторых, уменьшается неравенство в доходах; в-третьих, не отмечается снижение занятости (кроме случаев женщин с детьми и молодежи, использовавшей ББД для образования). Исследование целей и последствий введения ББД выявило, что с его помощью возможно решение проблемы потери рабочих мест в результате развития технического прогресса и автоматизации производства [8]. Также отмечается потенциальное сокращение рабочего времени в результате изменения трудового поведения работников [9]. Еще одним следствием ББД признается создание «подушки финансовой безопасности» [10]. Ряд авторов рассматривают ББД как средство обретения личной безопасности, включения в общественную жизнь и уверенности в завтрашнем дне [11]. Всемирный банк в рекомендациях по введению безусловного базового дохода в России отметил, что, несомненным экономическим плюсом данной системы в нашей стране могла бы быть отмена необходимости сложного и дорогостоящего администрирования существующей системы пособий и многочисленных социальных льгот. Согласно оценке экспертов, в настоящее время в России существует более 800 мер социальной поддержки на федеральном уровне и почти 13 тысяч на региональном, что затрудняет ориентацию получателей в мерах государственной поддержки [12].

К недостаткам универсального базового дохода следует отнести: дефицит стабильных долгосрочных источников финансирования программы; необходимость повышения налогов; высокие кредитные риски программы; снижение стимулов к труду существенной части получателей дохода; усиление зависимости граждан от государства в ущерб личной свободе.

Поэтому обращение к одному из вариантов универсального базового дохода – системе гарантированного минимального дохода (ГМД) – является логичным в нынешних условиях. В табл. 1 приведено сравнение двух видов дохода.

Таблица 1

Различия универсального базового дохода и гарантированного минимального дохода

Критерии	Универсальный базовый доход	Гарантированный минимальный доход
Адресность	Всем гражданам	Семьям с доходом ниже порога бедности
Размер	Фиксированный	Разница между уровнем порога бедности и совокупным доходом семьи
Продолжительность выплаты	По закону	До искоренения бедности
Затраты на финансирование	Не снижаются	Снижаются по мере уменьшения числа бедных
Издержки администрирования	Низкие	Высокие, связанные с постоянной переоценкой доходов получателей
Условия выплаты	Отсутствуют	Обусловленный многочисленными критериями трансфер
Практическое распространение	Эксперименты в различных странах	Практика в 15 странах Восточной Европы и Центральной Азии
Прогрессивность социальной помощи	Доля помощи крайне бедным меньше за счет перераспределения средств всем получателям	Крайне бедные получают несколько больше, чем просто бедные и небедные
Сравнение с действующими соцпрограммами	Менее эффективен, чем существующие программы	Дополняет действующие социальные программы

Источник: составлено автором по материалам [12].

Из-за чрезвычайно высокой стоимости введения универсального базового дохода предпочтительным вариантом является гарантированный минимальный доход. Так, по оценке Всемирного банка, на реализацию программы для всех граждан в бедных странах потребуется 30–40 % ВВП [12]. На выплату средств 146,24 млн чел. в России в размере минимальной потребительской корзины (12792 руб.) понадобится 22,45 трлн руб. (16 % ВВП), что превышает объем всех запланированных на 2021 г. расходов федерального бюджета – 21,52 трлн руб.

Главной целью введения гарантированного минимального дохода в тех странах, где он нашел применение в виде ограниченных по времени и количеству участников экспериментов, является борьба с бедностью. Поэтому ГМД охватывает не все население, а только часть жителей страны, имеющих доходы, ниже официально признанного показателя прожиточного минимума. Поскольку последний регулярно пересматривается, а фактические доходы людей изменяются, требуется постоянное определение и лиц, имеющих право на получение ГМД, и размера социальной помощи каждому получателю.

В разных странах применялись специфические методики оценки уровня благосостояния для признания права на участие в программе: фильтр активов, с помощью которого отсекались владельцы дорогостоящей собственности (Литва); уровень расходов на электроэнергию не выше максимального порога; учет места проживания для определения степени безопасности жизни; наличие автомобиля; получение предпринимательских доходов; владение ценными бумагами (Армения) и др. [13].

В Индии предложена программа «Квазиуниверсальный базовый сельский доход», предусматривающая прямой денежный перевод сельским домохозяйствам, вне зависимости от колебаний аграрного производства. Предполагается, что ежегодный трансфер на домохозяйство в размере около 18 000 рупий или 1500 рупий в месяц, охватывающий 75 % сельского населения, может быть покрыт общими фискальными затратами около 1,3 % ВВП или 2,6 трлн рупий (в ценах 2019–2020 гг.) за счет средств центрального правительства и правительств штатов при сохранении действующих социальных обязательств [14].

Индийская целевая программа, направленная на сельские бедные слои общества, заслуживает нашего внимания потому, что в России, по оценке экспертов, 40 % бедного населения проживает в сельской местности, из них 2/3 – семьи работающих людей [15]. Особое место в системе расселения занимают малонаселенные и отдаленные пункты, играющие роль необходимых ячеек сети, скрепляющей страну в единое пространственное целое. Ликвидация коллективных хозяйств поставила население малых деревень на грань выживания, вместе с этим стала разрушаться социальная инфраструктура, жители все больше покидают некогда обжитые места.

Набирающий темп процесс исчезновения малых поселений в России происходит под воздействием урбанизации и социальных изменений, что ведет к опустению экономически освоенных территорий и угрожает национальной безопасности страны [16]. Малые деревни представляют историческую, культурную, хозяйственную ценность, с утратой которой теряется уникальный опыт предшествующих поколений по освоению и выживанию на отдаленных территориях, этнокультурные традиции быта и экологического поведения людей. Как отмечают авторы [17], «деревня это не бизнес-проект, а образ жизни русского человека, определённый уклад всех культурных, общественных и экономических отношений». Возможность и цена сохранения этого феномена воплощенной жизни предков определяется оперативностью принятия мер по сохранению и ревитализации малых сельских поселений.

Во многих странах накоплен опыт проведения программ возрождения сел и деревень. Европейский союз финансировал проект RURITAGE в рамках программы Horizon-2020, который объединял 18 стран. Проект провозглашал новый подход к возрождению сельских районов на основе наследия, способствовал превращению сельских районов в лаборатории по устойчивому развитию, повышению их уникального культурного и природного потенциала. В системных инновационных областях RURITAGE значились: паломничество; устойчивое местное производство продуктов питания; миграция, искусство и фестивали; устойчивость, а также определялись 11 сквозных тем, представляющих способы воздействия культурного наследия на возрождение сельских районов и их экономическое, социальное и экологическое развитие [18].

В Китае сельские районы объявлены национальным наследием, сформирована концепция целостного представления о территории, которая исходит из необходимости устранить разрыв между городами и селами и стремления заново открыть для нации культурное наследие страны [19].

Изучение возможностей для обеспечения устойчивого возрождения сельских районов Японии позволило найти новые формы региональной занятости, пути расширения прав и возможностей сообществ, направления миграции и развития устойчивой энергетики – все это представляет потенциал повышения благосостояния сельских жителей страны [20].

Авторы доклада о сельских районах Канады [21] утверждают, что сельские сообщества добились впечатляющих достижений, способствуют развитию экономики страны, но сталкиваются с уникальными проблемами, требующими индивидуальной политики и ресурсных решений.

Исследование разрыва в доступности цифровых технологий в городах и сельской местности Великобритании [22] показало, что плохая цифровая связь угрожает социально-экономическому здоровью сельских районов, но использование альтернативных технологий и/или моделей доставки могут создать перспективную сельскую цифровую инфраструктуру.

В России нет правовой основы для защиты и сохранения существования малых деревень. Федеральные целевые программы «Социальное развитие села до 2013 года» и «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», а также «Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года», направленные на кардинальное улучшение социально-экономического состояния села, не принесли ожидаемых перемен. Причинами неудач, по нашему мнению, являются, во-первых, значительная дифференциация типов сельских поселений, не в полной мере учтенная программными документами, во-вторых, недостаточное финансирование принятых долгосрочных программ; в-третьих, региональные различия, неучтенные принятыми на основе рамочных условий федеральных программ субъектами РФ. В государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020 и период до 2025 г. определены цели: сохранение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3 %, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80 %, повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населённых пунктах до 50 % [23]. В документе отмечены приоритетные регионы опережающего развития, среди которых нет регионов Сибирского федерального округа (вне Арктического побережья), а также малонаселенных и отдаленных сельских поселений как особых объектов программного управления.

В Республике Хакасия доля сельского населения за 2013–2020 гг. сократилась с 32 до 30 %. При сохранении динамики предыдущих лет к 2025 г. численность жителей сел уменьшится на 11,22 тыс. чел. до 149,99 тыс. чел. при сокращении предположительной общей численности населения региона, по оценке Росстата, на 9,26 тыс. чел. в 2025 г. по сравнению с 2020 г. [24]. Еще более выраженная отрицательная динамика характерна для малых сел Хакасии, для развития и сохранения которых были приняты региональные программы на 2013–2015, 2016–2018 и 2019–2024 гг.

С целью повышения эффекта программы сохранения и развития малых сел республики в ходе ее выполнения состав участников был расширен с 76 до 133 за счет отдаленных сел с численностью жителей не только до 100, но также до 200 человек. Этот норматив соответствует типологии поселений по Градостроительному кодексу РФ (ст. 5), согласно которому к малым сельским поселениям относятся селения с численностью до 200 жителей.

Объём бюджетных ассигнований с 2013 по 2018 г. составил более 200 млн руб., в том числе: по подпрограмме «Социальное развитие малых и отдалённых сел» в 108 сёлах выполнены работы по бурению скважин нецентрализованного холодного водоснабжения, установке уличного освещения, оборудованию детских игровых и спортивных площадок на сумму более 150 млн руб.; по подпрограмме «Содействие в строительстве жилья и проведении ремонта кровли жилых домов отдельным категориям населения, проживающим в сельской местности» выделено 10,7 млн руб.; в рамках подпрограммы «Развитие потребительской кооперации в Республике Хакасия» государственная поддержка на сумму 8,5 млн руб. осуществлялась предоставлением субсидий организациям потребительской кооперации и муниципальным бюджетам на компенсацию части затрат предпринимателям, осуществляющим доставку продовольственных и бытовых товаров в малые и отдалённые сёла, не имеющие стационарных точек торговли [25].

В целом деятельность региональных властей по сохранению и развитию малых и отдаленных сел, в результате которой в малонаселенных пунктах появились общие объекты благоустройства и улучшились отдельные условия жизни людей, оценивается положительно. Тем не менее следует признать принимаемые меры недостаточными для решения проблемы развития, так как доходы жителей малонаселенных сельских территорий остаются низкими, значительно отстающими от городских.

О составе доходов населения малых сел можно судить по структуре занятости населения. По данным отчета Минтруда Республики Хакасия о выполнении республиканской программы сохранения и развития малых сел за 2018 г., более половины жителей в трудоспособном возрасте работают в личном подсобном хозяйстве (52 %), по 20 % – в коммерческих организациях и организациях с государственной и частной формой собственности, 6,7 % – в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей; 2,2 % – официально зарегистрированы безработными в государ-

ственной службе занятости. Среди нетрудоспособных 24,4 % – пенсионеры, 22,2 % – дети и молодежь. Таким образом, доходы в малых селах ее жители получают преимущественно в натуральной форме от своего хозяйства, продукция которого в основном идет на личное потребление и небольшая доля – на продажу.

Политика доходов является составной частью экономической политики государства, тесно связанной с кредитно-денежной и инвестиционной политикой. По данным Центрального банка России, за I полугодие 2021 г. инфляция составила 6,5 % и продолжит расти до конца года [26]. В условиях поддержки государством в первую очередь крупных корпораций и экспортеров доходы населения, в том числе предпринимателей малого и среднего бизнеса, обесцениваются, не достигая даже допандемийного уровня. Следовательно, государственная политика доходов должна компенсировать падение уровня реальной заработной платы и социальных трансфертов дополнительными инструментами, например, выплатой гарантированного минимального дохода.

Эксперименты с ГМД в России проводились кратковременно и в ограниченном масштабе (в Калининградской области, Волгоградской области, Москве, Московской области и Республике Бурятия), поэтому полученные данные недостаточны для выводов по всей совокупности. Необходим эксперимент в большем масштабе, так как, по данным социологических опросов, граждане высказываются за введение ГМД: опрос Head Hunter в 2018 г. показал поддержку идеи у 62 % респондентов, SuperJob в 2020 г. – у 68 %, Mail.ru в 2021 г. – у 73 %. Поскольку проблемы бедности сельских поселений и в особенности малых сел и деревень существуют во всех регионах, предлагается разработать Стратегию сохранения и развития малых сел России с учетом накопленного опыта Республики Хакасия и актуальности концепции гарантированного минимального дохода в нынешних условиях. В частности, необходимо предусмотреть в данной стратегии выплату всем жителям малых селений гарантированного сельского минимального дохода (ГСМД) в размере минимального прожиточного минимума, утверждаемого на соответствующий год (в 2021 г. действуют нормативы: 12702 руб. – лицам трудоспособного возраста, 11303 – детям, 10022 руб. – пенсионерам). Экспертным советом по малым территориям в 2018 г. были разработаны предложения по стратегическому развитию малых поселений, посвященные малым городам, однако в них концепция ГМД не затрагивалась [27].

Поскольку информация о численности населения по типам сельских поселений содержится только в материалах переписей населения, использованы данные последней переписи 2010 г. Результаты расчетов показывают наличие региональных особенностей расселения. Так, если в России малые села составляли 76,3 % от общего количества сел, то в регионах СФО – 50,6 %, а в Хакасии – 46,2 %. Большинство малонаселенных пунктов расположены в северо-западных регионах страны, где для земледелия из-за природно-климатических условий требовались большие земельные площади, для обработки которых в период освоения территорий было достаточно 3-4 двора. По данным переписи 2010 г., в малых селах РФ проживало 11 % сельского населения, в СФО – 8,1 %, в Хакасии – 5,8 %. Эти данные необходимы для определения численности населения малых сел в 2017 г., за который имеются сведения о возрастной структуре сельского населения. Также в расчете используются показатели прожиточного минимума, утвержденные на I квартал 2017 г.

Расчет объема финансирования выплаты ГСМД производится по формуле (1):

$$V_{фин}^{ГМД} = \sum_{i=1}^n ЧН_i \times ПМ_i \times 12, \quad (1)$$

где $V_{фин}^{ГМД}$ – объем финансирования выплаты ГМД жителям малых сел;

$ЧН_i$ – численность населения по возрастным категориям;

$ПМ_i$ – уровень прожиточного минимума в месяц по категориям населения.

При расчете объемов выплат ГСМД (табл. 2) приняты следующие допущения:

- 1) структура возрастных категорий населения малых сел в 2017 г. аналогична структуре 2010 г.;
- 2) выплаты производятся всем домохозяйствам малых сел, независимо от доходов, для упрощения администрирования;
- 3) выплаты предполагаются в размере месячного прожиточного минимума, утвержденного на I квартал для лиц моложе, старше и в трудоспособном возрасте;
- 4) в расчете не учитываются коэффициенты районного дифференцирования и изменение прожиточного минимума в последующие кварталы года.

Таблица 2

Расчет предполагаемых выплат гарантированного сельского минимального дохода населению малых сел Российской Федерации, регионов СФО и Республики Хакасия (по данным 2017 г.)

Регион	Численность населения малых сел, тыс. чел.	В том числе по возрасту, тыс. чел.			Прожиточный минимум, руб./чел. в мес.			Объем выплат, млн руб./год	ВВП (ВРП), млрд руб.	Доля выплат в ВВП, %
		моложе трудоспособного	трудоспособного	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособного	старше трудоспособного			
РФ	4154,9	837,9	2255,8	1061,2	9756	10701	8178	491908,3	74926,8	6,65
СФО	423,0	96,9	222,1	1040,0	9756	10701	8178	50,0	7653,8	0,65
РХ	7,6	1,824	4,028	1,748	9756	10701	8178	1,004	207,6	0,48

Результаты расчетов в табл. 2 показывают, что удельный вес расходов на выплату ГМД жителям малых сел в регионах Сибирского федерального округа и Республики Хакасия в общем объеме ВРП в 10 и более раз меньше, чем аналогичная доля в ВВП России. Различия объясняются дифференциацией пространственного расселения населения по регионам, сложившегося в разные периоды нашей истории. В Сибири большинство сельских поселений возникло в ходе коллективизации и освоения целины, поэтому они проектировались как крупные населенные пункты с соответствующей инфраструктурой. Малые села – более старые поселения, в основном с однородным этническим составом населения, особенно уязвимые перед процессами урбанизации и агломерации.

Предлагается провести эксперимент на уровне макрорегиона Сибирского федерального округа с численностью населения, проживающего в малых селах – менее 0,5 млн чел. (более точное определение численности возможно после Всероссийской переписи населения в октябре 2021 г.). Расходы на выплаты, составляющие ориентировочно менее 1 % ВРП регионов СФО, целесообразно финансировать поровну из федерального и региональных бюджетов в течение 2-3 лет при сохранении существующих мер социальной помощи. Если будут получены положительные результаты эксперимента как пилотного проекта в дальнейшем можно распространить ГСМД на жителей малых сел всех регионов России. Для оценки условий проведения предлагаемого эксперимента проведен PEST-анализ введения гарантированного сельского минимального дохода (ГСМД) (табл. 3).

Таблица 3

PEST-анализ введения гарантированного сельского минимального дохода в регионах СФО

<u>Политика</u>	<u>Экономика</u>
Снижение уровня бедности в 2 раза – национальная цель развития РФ до 2030 г. Принятие законов о мерах социальной поддержки населения Отсутствие на федеральном уровне Стратегии развития малых сел	Профицит консолидированного бюджета РФ за январь-май 2021 г. – 1,193 трлн руб. Доля расходов на выплату ГСМД – менее 10 % ВРП Инфляция – 4,91% в 2020 г. и 6,5 % в I п/г 2021 г. Снижение реальных доходов населения в 2020 г. на 3,5 % Недоступность кредитных ресурсов жителям малых сел
<u>Социум</u>	<u>Технологии</u>
Критическое сокращение населения малых сел (низкая рождаемость, высокая смертность, миграция) Рост безработицы в 2020 г. – 5,8 % Относительно небольшая численность получателей ГСМД (0,5 млн чел.) Одобрительное отношение общества в целом к выплате ГМД	Наличие базы данных о получателях пенсий, пособий в ПФР, ФСС, ФСТЗ Цифровая трансформация в социальной сфере, создание социального казначейства до 2025 г. позволит автоматизировать оказание адресной социальной помощи

Учитывая сложившиеся благоприятные условия для экспериментального введения предлагаемых выплат, выделим положительные последствия их реализации:

- 1) увеличение спроса на товары и услуги на 50 млн руб. в год;
- 2) улучшение здоровья и психологического состояния, снижение заболеваемости;
- 3) повышение образовательного уровня;
- 4) увеличение численности жителей малых сел за счет возвращения из городов бывших селян и переселенцев, стремящихся к проживанию в экологически благоприятных условиях.

Наряду с условиями, способствующими достижению цели эксперимента по выплате ГСМД, следует учесть риски, к которым относятся:

– ослабление стимулов к труду. Однако, как следует из финского эксперимента 2017–2018 гг., выплата 560 евро в мес. хотя и не увеличила занятость, но и не привела к сокращению работы занятых. А результатом эксперимента 2019 г. в Стоктоне, Калифорния стало повышение экономической активности участников, получавших 500 долл. в мес.;

– злоупотребления со стороны получателей и местных администраций. Так, по программе Pandemic Money в 2020 г. всем гражданам США выплачивалось по \$600 в неделю, половина выплат оказались получены незаконно. Но факт обнаружения нарушений законодательства свидетельствует о принципиальной возможности пресечения и предупреждения преступлений;

– рост иждивенчества и зависимости получателей выплат от государства. Но одним из итогов эксперимента 2012–2013 гг. в Индии стал рост финансовой независимости и сбережений участников.

Для достижения цели проекта – снижения бедности – и повышения адресности выплаты ГСМД предлагается предусмотреть некоторые ограничивающие условия выплат, например, постоянное проживание на территории малых сел; наличие в собственности земельного участка и жилого помещения; использование до 1/2 ГСМД на обустройство и/или увеличение личного хозяйства и др.

Итак, в пользу проведения эксперимента по выплате гарантированного сельского минимального дохода жителям малых сел регионов Сибирского федерального округа свидетельствуют ожидаемые эффекты, в том числе: социальные – улучшение здоровья, снижение заболеваемости, обучение новой профессии, повышение рождаемости, укрепление института семьи, стабилизация населения малых сел; экономические – повышение доходов, потребительского спроса на товары и услуги, повышение занятости и самозанятости, в том числе в личном хозяйстве, развитие предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экономисты оценили потенциал восстановления реальных доходов россиян. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2020/5fc775a39a794785e7e20584>.
2. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) URL: <https://fedstat.ru/indicator/31165>.
3. Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170> (дата обращения 05.07.2021).
4. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2021 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: <https://isp.hse.ru/data/2021/04/30>.
5. Максим Решетников: вклад соцвыплат в рост реальных доходов граждан в 2020 г. составил 3,6 %. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_vklad_socvyplat_v_rost_realnyh_dohodov_grazhdan_v_2020_g_sostavil_36.html.
6. Пандемия снизила уровень бедности / И. Ткачёв, Ю. Старостина / РБК. Газета. 2020. 16 декабря. № 115 (3282) (1712). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/12/17/5fd8ca6b9a%2079473851e6dbe4>
7. Черных Е.А. Современное состояние исследований содержания, форм, инструментов и механизмов введения безусловного базового дохода // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 2. С. 61–75. DOI: 10.19181/lspr/2020.16.2.6.
8. Одегов Ю.Г., Павлова В.В., Теленная Л.С. Безусловный базовый доход - готов ли российский рынок труда его воспринять? // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 71–79. DOI: 10.19181/13rgg.2020.16.4.6.
9. Базовый доход: европейский опыт и взгляд из России / Европейский диалог. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2019/06/04/bazovyj-dohod-evropejskij-opyt-i-vzglyad-iz-rossii/>.
10. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): монография. Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2015. 239 с.
11. Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 190 с. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019-016.pdf>.

12. Универсальный базовый доход: концепции, факты и практика / под ред. У. Джентилини, М. Грош, Дж. Риглини и Р. Емцова: Краткое содержание публикации Всемирного банка. Вашингтон, 2020. 34 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2020/02/27/1560565243/UBI%20Rus.pdf>.
13. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/socialprotection/publication/exploring-universal-basic-income-a-guide-to-navigating-concepts-evidence-and-practices>.
14. Felman J., Paul B., Sharan M.R., Felman A., Paul B., Sharan M.R., Subramanian A. Quasi-universal basic rural income: The way forward // Business-standard. 2019. January 27. URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/quasi-universal-basic-rural-income-the-way-forward-119012700713_1.html
15. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география: Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 4-20.
16. Коробова О.П. Устойчивое развитие сельских территорий как гарант национальной безопасности России // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С.86-92. DOI 10.22337/2077-9038-2019-1-86-92.
17. Петрова З.К., Долгова В.О. Процесс возрождения сельских поселений и культурный ландшафт // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 70-77. URL: DOI.10.22337/2077-9038-2019-1-70-77.
18. RURITAGE: Rural regeneration through systemic heritage-led strategies. URL: <https://en.unesco.org/ruritage>.
19. Pola A.P. (2019) When Heritage Is Rural: Environmental Conservation, Cultural Interpretation and Rural Renaissance in Chinese Listed Villages. Built Heritage 3, 64–80. URL: <https://doi.org/10.1186/BF03545728>.
20. Assmann S. (2015) Sustainability in Contemporary Rural Japan: Challenges and Opportunities. Publisher: Routledge (Forthcoming) Editor: ISBN: 9781317577256. URL: <https://DOI.org/10.4324/9781315739588>.
21. Rural challenges, national opportunity. Shaping the future of rural Canada (2018). URL: <https://fcm.ca/en/resources/rural-challenges-national-opportunity>.
22. Lorna Ph., Caitlin C., John F., Fiona W., Fiona A. The digital divide: Patterns, policy and scenarios for connecting the ‘final few’ in rural communities across Great Britain // Journal of Rural Studies. Vol. 54. August 2017. P. 386-398.
23. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696. URL: <http://government.ru/docs/36905/>.
24. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium>.
25. Отчеты о реализации республиканской целевой программы «Сохранение и развитие малых сел Республики Хакасия в 2013–2020 гг.».
26. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. № 5 / июль 2021. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/35470/bulletin_21-05.pdf.
27. Стратегическое развитие малых поселений: проблемы и решения. Экспертный совет по малым поселениям. URL: https://cultmosaic.ru/content-load-/Strategicheskoe_razvitiye_malyh_poselenij.pdf.

Поступила в редакцию 14.09.2021

Субракова Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. К. Маркса, 11
E-mail: sub_lk@mail.ru

L.K. Subrakova

INCREASING POPULATION INCOME AS A FACTOR FOR PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF SMALL VILLAGES

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-992-1000

The purpose of the study is to substantiate the relevance of introducing special measures of support for the population of small villages on the basis of a generalization of domestic and foreign practices of social benefits during the coronavirus pandemic. The poor situation of small villages, on the one hand, and the relatively low financial cost of payments, limited by territory and social categories, on the other hand, led to the proposal to preserve and develop small villages with the achievement of economic and socio-demographic well-being. In order to curb the process of depopulation in rural areas it is proposed to develop a strategy for the preservation and development of small villages, including a special state policy of income for the population of small villages on the basis of a guaranteed rural minimum income. The conceptual basis of this policy can be the idea of a universal basic income with variations of conditional, selective, both monetary and natural basic income. The implementation of this approach is proposed as an experiment in small villages of the regions of the Siberian Federal District. According to calculations, 50 million rubles a year will be required to

pay 437 thousand residents in 5.8 thousand rural settlements of the regions of the Siberian Federal District, or 0.65 % of GRP. As a result, it is expected to reduce excessive income inequality, improve the demographic situation and increase employment. The research is based on the method of dialectical knowledge of processes and phenomena. When studying the issues of the state and trends of changes in the situation of small rural settlements, monographic, abstract-logical and economic-statistical methods were used.

Keywords: poverty, small rural settlements, guaranteed rural minimum income, risks, restrictions, socio-economic effects.

Received 14.09.2021

Subrakova L.K., Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor at Department of Economics
Khakassia State University named after N.F. Katanov
Karla Marksa st., 11, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017
E-mail: sub_lk@mail.ru